

Дмитрий Васильев

ФАРЦОВЩИКИ

как делались состояния

ИСПОВЕДЬ
ЛЮДЕЙ «ИЗ ТЕНИ»

Дмитрий Васильев
Фарцовщики. Как делались
состояния. Исповедь людей «из тени»
Серия «Сделано в СССР»

Текст предоставлен издательством «Вектор»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180677

*Фарцовщики. Как делались состояния. Исповедь людей «из тени»: Вектор, Невский проспект;
Санкт-Петербург; 2007
ISBN 5-9684-0610-0*

Аннотация

Большинство граждан СССР, а ныне России, полагали и полагают, что фарцовщики – недалекие и морально жалкие типы, которые цепляли иностранцев возле интуристовских гостиниц, выклянчивая у них поношенные вещи в обмен на грошовые сувениры. Увы, действительность как всегда сильно расходится с привычными стереотипами.

Настоящие, успешные фарцовщики составляли значительную часть подпольной экономики СССР. Они делали состояния и закладывали основы будущих; умудрялись красиво сорить деньгами в те времена, когда советские люди несказанно радовались, если им удавалось добыть рулон туалетной бумаги или палку колбасы. Как?

Почему про фарцовщиков и тогда и сейчас практически ничего не известно? Почему ветераны фарцовки не торопятся «вспомнить былое» и поделиться своими воспоминаниями?

Содержание

Вступление	4
Фарцовщики и фарцовка. Ху из ху?	6
Что за слово такое?	8
Сленг фарцовщиков	10
К истокам. Как возникла и развивалась фарцовка	13
Во всем виноват Всемирный фестиваль...	14
«Понаехали тут...»	16
Советские «бродвеи»	19
Что на что меняли	21
Рейтинг популярности	22
Дельцы-студенты	24
Богатые студенты и комедия абсурда	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дмитрий Васильев

Фарцовщики. Как делались состояния. Исповедь людей «из тени»

Вступление

Я органически не выношу редакционные задания, которые мне безынтересны. Можете мне поверить, эта отличительная черта не раз отрицательно сказывалась на моей журналистской карьере. Я честно пытался превозмогать себя и творить по указке, но каждый раз получал в итоге материал, скучный и безликий, как осенний дождь. Зато стоит мне дорваться до вдохновляющей темы, как перо начинает летать по бумаге, точнее – пальцы стучать по клавиатуре, радуя автора, читателей и досточтимое начальство. Редактор давно махнул на меня рукой и перестал навязывать собственное мнение, отпустив в свободный полет. К чему эта преамбула, спросите вы? Дело в том, что когда я впервые услышал о серии очерков, посвященных такому пережитку прошлого, как фарцовка, то сразу попытался улизнуть за пределы досягаемости начальственных указаний – не дай-то бог обо мне вспомнят. Какой интерес в раскопках фактов из жизни тех, чья деятельность давно стала бессмыслицей – ведь само понятие дефицита навеки ушло из жизни российского гражданина? Более того, казалось циничным рассказывать о личностях, которые зарабатывали себе на жизнь тем, что толкали людям импортные шмотки по бешеным ценам. И это в наше смутное время, когда остро стоит вопрос дефицита дензнаков у населения, зато прилавки самого заштатного магазина ломятся под тяжестью ассортимента.

Так что я совершенно не рвался погружаться в прошлое живых анахронизмов – фарцовщиков. Чем, ну чем может быть интересно жизнеописание фарцовщиков, чей опыт и умения никоим образом не пригодятся в современных реалиях? Увы, к своему стыду, я ошибся. И ошибся дважды. Первый раз – в глобальной оценке влияния прошедшего времени на настоящее. Второй раз – когда представлял себе фарцовщиков как банальных торгашей, нацеленных исключительно на примитивную жажду наживы, а их деятельность – чередой повторяющихся действий: «купил-продал». Забегая чуть-чуть вперед, скажу: если бы господь бог наделил меня талантом литератора, то я совершенно точно написал бы на собранном о фарцовщиках материале бестселлер, в котором сочетались бы такие разные литературные жанры, как детектив, военные хроники, интеллектуальная проза, шпионский роман и даже слезоточивый опус на морально-нравственную тему.

Но человек предполагает, а распоряжаются его судьбой совсем другие силы. Мой случай не стал исключением. Сбегая от начальственного указания заняться темой фарцовки, я срочно организовал интервью с одним очень интересным человеком. Я давно за ним охотился, но он слишком богат и занят своими буржуинскими делами, чтобы выкроить часок для общения с журналистами. Беседа с ним, что называется, удалась. Вытанцовывался очень интересный материал. И вот в самом конце, когда разговор перешел на отвлеченные темы, я вскользь посетовал, что мне могут поручить такую скучную тему, как фарцовщики.

Реакция взрослого и солидного человека, коим я искренне считал героя своей будущей статьи, меня ошарашила. Он смеялся долго и со вкусом. Придя в столь хорошее расположение духа, он поведал мне странные вещи. Прежде всего я узнал, что основа его нынешнего состояния была заложена в бытность им... фарцовщиком. Он уверил меня, что я пал жертвой советской пропаганды, пусть и с опозданием в двадцать лет. Признаюсь мне в глубине души присущ некий журналистский снобизм – чувство информационного превосходства над дру-

гими людьми. Поэтому мысль, что я оказался на сей раз среди дезинформированного большинства, впиалась в меня как раскаленный гвоздь в... пятку. Стерпеть я не мог и поэтому в свою очередь вцепился мертвой хваткой в своего собеседника.

Этот солидный и уважаемый господин объяснил мне – те люди, которых я отождествлял с самим понятием фарцовки, имели к ней весьма косвенное отношение. Как и большинство граждан СССР, ставших со временем гражданами России, я полагал, что фарцовщики – недалекие и морально жалкие типы, которые цепляли иностранцев возле интуристовских гостиниц, выклянчивая у них поношенные вещи в обмен на грошовые сувениры. Но мои представления оказались столь далеки от действительности, что я сам себе не поверил. Так кто же тогда были настоящие, успешные фарцовщики, составлявшие значительную часть подпольной экономики СССР? Каким образом они делали состояния и даже умудрялись красиво сорить деньгами в те времена, когда остальные советские люди несказанно радовались, если им удавалось добыть рулон туалетной бумаги или палку колбасы?

Я вас заинтриговал многообещающим вступлением? Тогда приглашаю познакомиться с этими людьми, тем более что большинство из них здравствуют и по сей день, как и человек, впервые приоткрывший мне подлинный «лик» фарцовки.

Фарцовщики и фарцовка. Ху из ху?

Несмотря на то что я пребываю в глубокой уверенности, что большинство читателей этой книги люди образованные и прекрасно осведомлены о том, кого называли фарцовщиками, и чем они занимались, все же начну с общего определения.

Фарцовщик – гражданин СССР, занимавшийся противоправной деятельностью, которая заключалась в скупке, обмене или выманивании у иностранных граждан товаров народного потребления с целью последующего использования этих товаров или с целью их дальнейшей перепродажи.

Я нарочно выбрал это казенное определение, так как оно хоть и неказисто с точки зрения русского языка, зато кратко и точно, но при этом объемно по смыслу. Если говорить коротко, то именно такой противоправной деятельностью и промышляли фарцовщики. Но под сухой коркой этого определения таилось многообразие вкусов и очень интересная начинка. Начать с того, что фарцовщик-шестидесятник так же далеко отстоял от своего преемника конца 80-х, как первые ЭВМ от двухъядерного ноутбука. Различия были как идеологического характера, так и методов, с помощью которых осуществлялась сама фарцовка. Что неудивительно, так как фарцовка была ближе всего к народным массам, чем любые другие разновидности теневого бизнеса в СССР, и поэтому полностью подстраивалась под нужды и требования этих самых масс. Менялось общество, и вместе с ним трансформировались фарцовщики, чутко реагируя на малейшие социальные изменения. Но кое-что оставалось неизменным на протяжении всей истории фарцовки в СССР.

В первую очередь, это возраст фарцовщиков. Средний возраст фарцовщика – 24 года, а вообще возрастной диапазон людей, занимавшихся фарцой, колебался примерно от 10 до 35. Разумеется, были и исключения, но лишь подтверждающие общее правило. И еще одно объединяющее обстоятельство – настоящие фарцовщики никогда не продвигали на внутреннем рынке СССР товары отечественного производства. Всегда только «фирма», только так, с ударением на последнем слове. Не случайно несведущий человек, назвавший фарцовщика «спекулянтом», рисковал получить по лицу или по другой незащищенной части тела. Не

было для фарцы худшего оскорбления, чем причисление к клану «перекупщиков без идеологии», какими считались спекулянты. И хотя с середины 70-х годов появилось значительное количество личностей, называвших себя фарцовщиками, но при этом занимавшихся продажей товаров пусть и дефицитных, но советского производства, общество подлинной фарцы отторгало их от себя.

Ну и последний в этом перечне, но не последний по значению объединяющий фактор – обязательное для каждого фарцовщика осознание себя как личности, принадлежащей к особой касте, четко очерченному кругу людей, которые ярко выделяются на фоне общества. Стремление выделиться или, если употребить меткий термин, вышедший из народа, – «выпендриться», очень часто становилось причиной неприязненного отношения к фарцовщикам тех самых широких народных масс. Пикантности ситуации добавлял также тот факт, что хоть раз в жизни многие обычные люди, не питавшие к фарцовщикам и тени приязни, были вынуждены обращаться к их услугам. Добротная, модная вещь, которая к тому же могла служить своему хозяину десятилетиями, в хозяйстве всегда пригодится. Хоть бы и в единственном экземпляре.

Что за слово такое?

Собирая материалы для этой книги, я заинтересовался этимологией слова «фарцовка». Пусть и сленговое, но ведь совершенно точно слово это должно что-то означать, за ним должен скрываться внутренний смысл, который, вполне возможно, мог бы точнее объяснить: что конкретно подразумевали сами фарцовщики под своей деятельностью. Как ни странно, но в процессе прояснения этого вопроса у меня возникли значительные затруднения, ибо даже бывшие фарцовщики (по крайней мере те, к кому я обращался) не имели ни малейшего представления о происхождении своего «титула». В результате скрупулезные поиски вывели меня на два варианта. Не могу сказать, какой из них предпочтительнее, так как оба они в равной мере могут соответствовать действительности. Так что предлагаю вашему вниманию обе версии происхождения термина «фарцовка».

1. Слово произошло от английского словосочетания «for sale», которое теперь знакомо каждому рядовому покупателю. И хотя почему-то в российских торговых сетях этому словосочетанию упорно пытаются присвоить значение «распродажа», на самом деле оно означает всего лишь «продажа». Переименованное на сленговый лад практически до неизвестности, это английское словосочетание, определяющее смысл деятельности фарцовщиков (торговые операции с иностранцами), вполне могло стать обозначением для всего явления фарцовки в целом.

2. Согласно второй версии, слово «фарцовка» имеет как раз отечественные корни и, кроме того, насчитывает более ста лет истории. Словечком «forec» называли на одесских рынках человека, который за счет своего красноречия мог сбить цену на покупаемый товар в два-три раза. Купив таким образом задешево любую вещь, forec тут же продавал ее на этом же базаре, но уже за ее настоящую цену. «Наварив» таким нехитрым образом до 200–300 % прибыли.

В пользу второй версии говорит и еще одно соображение. Задолго до того времени, как фарцовщики появились в крупных городах СССР, люди, промышленявшие нелегальной торговлей и обменом с иностранцами, прочно обосновались в советской Одессе. Вот только деятельность, которой они занимались, называлась старым добрым словом *контрабанда*. Большой морской порт, Одесса, в отличие от подобных портовых городов на севере страны, например, славилась еще и бурным процессом торговли товарами, привезенными на иностранных кораблях. Одесские базары всегда были полны иностранными шмотками, алкоголем и табаком, который контрабандой привозили моряки на кораблях, приходивших в Одессу со всего мира. Ямайский и малайский ром, кубинские сигары – все эти контрафактные, как сейчас бы сказали, товары, еще в начале 20-х годов XX века были привычным делом не только на базарах, но и в нэпманских ресторанах или маленьких прибрежных кафе. Разумеется, получить их могли только «свои люди» и только «из-под полы». Одно НО: в таких «своих» ходило практически все население Одессы.

Что же до импортных вещей, то половина населения Одессы еще в 30–40-х годах красовалась в поношенных (иногда довольно значительно) шмотках, которые были настолько привычны глазу, что даже не вызывали зависти или, наоборот, осуждения. Одесские ревнители советской морали совершенно искренне не усматривали в ношении импортных вещей ничего противоречащего образу жизни советского гражданина. А дело было в том, что вещи иностранного происхождения ценились одесситами не столько за красоту и стильность, недоступные отечественной легкой промышленности, сколько за дешевизну в соотношении

с высоким качеством. Столь нестандартный подход к вещичкам «забугорного» происхождения определялся тем, что вещи эти обычно доставались одесситам в качестве предметов мена. Среди иностранных моряков бешеную популярность имело, например, мужское нижнее белье советского производства. Неказистое на вид, это белье было очень носким, к тому же, сделанное из качественного натурального хлопка (100 % cotton, а не какой-нибудь грубый холщовый очес!), оно очень выручало в сложных климатических условиях: сохраняло тепло в холода и приносило прохладу в жару. За эти качества его и ценили моряки, которые не знали, куда их занесет следующий выгодный фрахт. Разумеется, то же белье можно было купить и в любом одесском магазине, но, во-первых, государственный валютный курс был очень невыгоден для обмена, а приобрести нижнее мужское белье за доллары или франки в Одессе не представлялось возможным. А во-вторых, зачем тратить честно заработанную за рейс наличность на личные покупки, если ее можно выгодно вложить в ту же контрабанду – икру, водку или армянский коньяк, очень высоко ценившийся на мировом рынке. Обычным морякам проще было предложить на обмен поношенную часть своего гардероба. Так и поступали. При этом одесситы даже отчасти жалели капиталистов, которые не могут у себя на родине купить приличное исподнее. Но жалость одесситов была не то чтобы очень искренней. Ведь в любом магазине такой комплект можно было купить за сущие копейки, а выменянная на него вещь стоила, согласно советскому ценообразованию, гораздо дороже. А то, что одежда слегка поношенная, – так кто об этом узнает, кроме самого владельца?

Не только белье как предмет обмена интересовало иноземных моряков. Оренбургские пуховые платки, размером полтора на полтора метра, но при этом с легкостью продевавшиеся в обручальное кольцо (предмет вождения многих европейской дам). Коралловые монисто (многослойные коралловые нити), которые по причине дешевизны носили даже самые бедные одесские хохлушки, в других странах стоили немалые деньги – ведь качество черноморских кораллов очень высокое: они до сих пор стоят гораздо дороже тихоокеанских. Да и много еще заманчивых товаров могли предложить иностранным морякам бурлящие разнообразием одесские базары.

Вот и получается, что, несмотря на распространенное мнение о том, что фарцовка пришла в Одессу гораздо позже – в начале 60-х годов, ее принципы и содержание были одесситам близки и понятны. Правда, надо признать, что поменялось не только формальное название явления. На смену контрабанде и «выгодным гешефтам» пришла идеология. До появления в Одессе фарцовщиков единственной целью подобных торгово-обменных операций было получение денежной прибыли. А вот появившиеся в городе фарцовщики впервые объяснили «отсталым гешефтмахерам», что из незаконных торговых операций можно не только извлечь «еще больше прибыли», но и добиться ее за счет вплетения в ткань товарно-денежных отношений бисера кастовой принадлежности. Одесситам никогда не нужно было дважды повторять, как можно получить выгоду. Знамя фарцовки тут же было подхвачено, и скоро даже старожилы стали забывать времена, когда обладание импортными вещами считалось делом обыденным и общедоступным. А поскольку больше всего ценились новые вещи, то в обиход вошли и новые способы их получения. Но это уже другая история, которая будет рассказана чуть позже.

Пока же вернусь к тому, с чего начал рассказ об Одессе до нашествия фарцовщиков, – с возможного происхождения термина «фарцовка». Поскольку одесситам это явление было уже хорошо знакомо к моменту его распространения по всей стране, представляется вполне вероятным, что некто из бывших «гешефтмахеров», слушая увлекательный рассказ о человеке, практикующем новый способ получения прибыли на старом торговом фундаменте, мог в азарте стукнуть себя по коленке и воскликнуть в восхищении: «Ну форец!» Фраза была подхвачена и через некоторое время благополучно прижилась в обиходе.

Сленг фарцовщиков

На самом деле я несколько погорячился. Оба варианта происхождения термина равно возможны, поскольку одним из основных признаков принадлежности к клану у фарцовщиков считалось владение очень и очень специфическим сленгом. Что понятно, ведь сленг выполнял сразу несколько важных функций во взаимоотношениях фарцовщиков не только в своем кругу, но и в их отношениях с государственной системой. Тема сленга фарцовщиков настолько интересна, что требует отдельного упоминания. А так как я не нахожу ей лучшего места в своей книге, как только в период общего знакомства читателей с явлением фарцовки, то прямо сейчас и расскажу об этом подробнее. Сначала нужно ответить на вопрос – «ЗАЧЕМ?». Зачем фарцовщикам вообще понадобилось создавать новую лингвистическую систему? Ну, это-то как раз просто. Причины, побудившие фарцовщиков изодраться в придумывании сленга, непонятного для постороннего уха, те же, что натолкнули уголовников на создание блатного языка – фени. С одной стороны, феня обеспечивала уголовным элементам возможность обсуждать свои криминальные дела при посторонних, не опасаясь, что их подслушают те, кому не надо. Опять же, «малявы» (записки из тюрьмы на волю) можно было писать, не опасаясь, что их расшифруют. Но эти соображения касались не столько «вертухаев» (охранников) и прочих представителей правоохранительных органов, сколько людей посторонних, не имеющих к «деловым» никакого отношения. К тому же все эти резоны через весьма непродолжительное время потеряли актуальность, так как «ботать по фене» очень быстро научились не только милиционеры, но и практически полстраны. А все из-за того, что власти СССР излишне перестарались в свое время и пересадили чуть ли не половину страны, после чего уголовная субкультура прочно и надолго вошла в повседневный быт обывателей. Второе соображение, которым руководствовались создатели фени, – обеспечить что-то вроде быстрого способа тестирования на принадлежность к определенной социальной группе. Владение специальным, если хотите – кодовым, языком давало возможность почти безошибочно опознать «своего», то есть человека, вышедшего из той же уголовной среды. Как только свой видел своего, дальнейшее общение немедленно выстраивалось в соответствии с жесткой уголовной иерархией и законами внутри замкнутой криминальной системы.

Создавая свой собственный кодовый язык, фарцовщики принимали во внимание оба приведенных выше соображения. Да и не только теорию фени позаимствовала фарца у зеков. Сленг фарцовщиков состоял из нее почти наполовину. Почему именно оттуда? Причин несколько, и основная – принадлежность людей, серьезно занимавшихся фарцовкой, к преступному миру СССР. Ведь их деятельность шла вразрез с существующим законодательством и каралась государством не в административном порядке, а в уголовном. При этом понятно, что фарцовщики имели такое же отношение к настоящим «сидельцам», как оперный певец к рэперу, но формально... формально фарцовщики подвергались такой же опасности в любую минуту загреметь в тюрьму, как и любой гоп-стопник, а следовательно, не могли обойтись без необходимых знаний, обеспечивающих принадлежность к криминальным структурам. Приплюсуйте сюда еще и блатную романтику, очень популярную в СССР, особенно среди молодежи.

Но при этом фарцовщики не забывали и о некоторых специфических особенностях своего подпольного бизнеса. Одной из таких особенностей было общение с иностранцами. О том, на каком языковом уровне это общение осуществлялось, я расскажу попозже, а пока упомяну, что уже в те времена универсальным языком считался английский. Именно на нем худо-бедно могли изъясняться почти все иностранные граждане практически в любой стране мира. Стало быть, фарцовщики просто не могли не использовать в своем сленге

обрывки этого вездесущего «инглиша». Поэтому вторую часть сленга фарцовщиков составляли или чудовищно искаженные английские слова, или всевозможные производные от них. Иногда изначально английские слова искажались практически до неузнаваемости. Делалось это отчасти по причине безграмотности фарцовщиков, а отчасти для того, чтобы не вхожий в систему человек, хорошо владеющий английским языком, не смог догадаться, какое же именно «слово» было «в начале».

Но и тут (как у уголовников) в изначальном плане фарцовщиков закодировать свои переговоры случился некоторый сбой. И если в успешном освоении фени простые советские граждане преуспели, потому что в каждой десятой семье кто-то из родственников сидел, то поднатореть в изучении сленга фарцовщиков им помогли сами его создатели. А как же иначе? Ведь у фарцовщиков отоваривалась значительная часть населения. Очень многие люди имели возможность познакомиться при покупке товара с некоторыми частными терминами. И виноваты в этом были сами фарцовщики, которые (как правило) с покупателями вели себя неимоверно выпендречно и каждую минуту норовили блеснуть своей исключительностью. Правда, во время торговых операций в основном шли как раз искаженные английские слова, а не феня, знакомство с которой фарца как раз не спешила афишировать.

Так и получилось, что «продвинутая» советская молодежь называла сапоги – шузы, а очки – глезы. Но практической пользой от введения в сленг фарцовщиков англоподобных слов дело не ограничивалось. Говоря о фарцовщиках, ни на минуту нельзя забывать об идеологической составляющей их деятельности и образа мыслей. Американская культура всегда была для фарцовщиков образцом для подражания. И не только потому, что эта страна представлялась советским людям раем для потребителей. В первую очередь ценился тот непередаваемый дух личной свободы в самовыражении, которого были напрочь лишены «совки». Для любого фарцовщика, как бы напыщенно это ни выглядело на бумаге, Америка была символом свободы и вседозволенности. Сейчас такие убеждения выглядят по меньшей мере глупо и наивно, но и Америка с начала 60-х годов ой-ей-ей как поменяла свои идеалы. В те времена, о которых идет речь, США еще не успели втиснуть свое население в узкие рамки политкорректности и тесные оковы приличий. Хиппи, битники, а до этого рок-н-ролл – вот и все, что мог разглядеть советский человек сквозь узкие щелки в железном занавесе.

Это сейчас каждый российский гражданин знает, что хиппи и битники – это прежде всего наркотики, и лишь потом уже все остальные приятные убеждения: ненасилие, свобода личности и пацифизм. Это теперь каждый российский школьник осведомлен о том, что рок-н-ролл – это перво-наперво многомиллионные прибыли дельцов от шоу-бизнеса, и только потом зажигательные ритмы, позволяющие отличаться от старшего поколения. А тогда такие тонкости, судя по всему, были неведомы даже самим символам американской свободы, что уж говорить о советских людях. Отсюда и стремление советских граждан подражать «Дикому Западу», которое в среде фарцовщиков достигло своего апогея.

Чтобы больше не возвращаться к вопросу сленга, приведу несколько «выдержек из текста», то есть фраз, типичных для повседневного обихода фарцовщиков.

Монинг бомбил дойча. Наченчил воч, но фирма не вери супер – «Сейко». Слил фуффло, а дойч хеппи. Сдал на хазу, поднял на ченче маней солидно.

Перевод: Утром состоялась сделка с западным немцем. Выменял часы, но не очень хорошей фирмы – «Сейко». Отдал за товар сущие пустяки, но немец остался доволен. Часы отнес на квартиру, где живет перекупщик, на сделке заработал приличное количество денег.

Читать это, конечно, смешно. Когда я впервые ознакомился с подобной выдержкой, долго не мог поверить, что все это произносилось всерьез, без издевки. Но с другой сто-

роны, культура фарцовщиков – это, по сути, культура очень и очень молодых людей, которые и составляли основной контингент. А молодежь всегда отличалась стремилась отличаться от своих «предков», и проще всего сделать это за счет создания собственного лингвистического пространства. Чтобы в этом убедиться, достаточно послушать хотя бы современных подростков. Они своими изысканиями искренне наслаждаются и воспринимают все максимально серьезно, явно соревнуясь: «кто круче отмочит». А посмеяться над своими «достижениями» они еще успеют – лет через десять.

С вводной частью покончено, самое время переходить к основной части – истории возникновения и развития фарцовки в СССР. Гарантирую, будет очень интересно. Скелеты в шкафу, неожиданные повороты сюжета, а самое главное – каждый сможет ознакомиться не только с официальной трактовкой явления фарцовки, но и с теми выводами, которые сделали сами повзрослевшие и умудренные опытом фарцовщики. А эти выводы (высказанные вслух во время интервью) частенько поражали даже тех, кто их высказывал. Я видел это собственными глазами.

К истокам. Как возникла и развивалась фарцовка

История не сохранила для благодарных потомков имени доисторического человека, который впервые использовал случайные искры для разведения очага в пещере. Не сохранилась в исторических анналах и фамилия гения, прикрепившего к нагруженной волокуше два колеса, чтобы облегчить переезд племени на другое стойбище. Вот и имя первого фарцовщика не избежало забвения. Несмотря на недавнее время, даже его инициалы останутся для нас тайной, покрытой мраком. Зато я точно могу назвать в этой книге событие, благодаря которому тоненький ручеек скромных случайных продаж импортного товара превратился в широкую реку отрасли теневого бизнеса, в котором было задействовано наибольшее количество советских граждан за всю историю существования СССР. До момента, когда произошло это событие, не существовало самого понятия «фарцовка». Были всего лишь разовые акции продаж вещей, привезенных из-за рубежа нашей родины. Осуществляли эти акции (что понятно) люди, которые имели возможность бывать «за бугром» и привозить оттуда красивые и модные вещи. Но специально (для продажи) ввозом в страну шмоток не занимался никто. Да и продавали чаще всего по принципу «на тебе, боже, что мне негоже», то есть не подошедшие по размеру или фасону остатки. Что понятно – ведь кто тогда имел доступ к зарубежным вояжам? Дипломаты, крупные ученые, артисты, чиновники высоких рангов. У этой группы товарищей и так в жизни все было хорошо, как в материальном, так и в моральном отношении. Зачем им нужно было увеличивать свои доходы таким сомнительным способом, как спекуляция? А что до чувства превосходства над большинством советских людей, так его и так хватало, без дополнительной стимуляции.

Во всем виноват Всемирный фестиваль...

Поэтому хотя я не смогу назвать имя первого фарцовщика, зато точно назову дату зарождения фарцовки как явления. Произошло это в 1957 году, в июне. Именно в это время в Москве стартовал первый в СССР Всемирный фестиваль молодежи. Современному человеку, имеющему возможность не только реально путешествовать по всему миру и знакомиться с людьми любой национальности, но и воспринимающему в порядке вещей виртуальные знакомства (спасибо Всемирной информационной паутине!), трудно представить себе, что означал для советских людей приезд в страну нескольких тысяч иностранцев одновременно. И не туристических групп, которых, как стада баранов, водили осматривать достопримечательности под руководством гидов из КГБ, не «фирмачей», приехавших в СССР подписывать выгодные многомиллионные контракты, а самых обыкновенных граждан других стран. И привезли этих людей с одной-единственной целью, как было объявлено на весь мир советским правительством – их привезли, чтобы они пообщались с советскими гражданами в неформальной обстановке и тем самым не только наладили личные дружеские связи, но и помогли делу укрепления мирового содружества. Такой вот всеобщий «Миру – мир!», но на сей раз без обычного совкового формализма. Разумеется, советское правительство никогда не пошло бы на такой решительный шаг, как предоставление молодежи возможности завести неподконтрольные и далеко не всегда санкционированные отношения с гражданами других стран, но курс внешней политики государства на тот момент был таков, что пришлось рискнуть. Соображения были нехитрые и вполне в духе советской показушной морали.

У организаторов Всемирного фестиваля молодежи помимо официально задекларированных целей были еще и собственные – отвечавшие стремлению в очередной раз продемонстрировать мировой общественности «колоссальные достижения советского народа». Было необходимо показать, насколько хорошо живется в стране грядущего коммунизма рядовым гражданам. Какие они все из себя счастливые, довольные, сытые-обутые и при этом еще поголовно образованные. Между прочим, идея-то была неплоха, особенно если учесть, что до этого большинство иностранцев (в основном это касается граждан капиталистических стран) были искренне уверены в том, что СССР – это такая одна большая то ли тюрьма, то ли казарма, в которой все поголовно ходят строем, едят баланду и дружно мерзнут жестокими зимами без теплой одежды. Так что одномоментная демонстрация нескольких миллионов довольных и счастливых советских людей была в такой обстановке совсем не лишней.

Но советские чиновники и политические деятели хоть и не отличались особым интеллектом (разве что хитростью и изворотливостью), все же сообразили, что если «запускать» иностранцев для общения со средним и старшим поколением населения СССР ничего хорошего не получится. Ибо слишком свежими были у людей незабываемые впечатления от партийных чисток 30-х годов, тягот, перенесенных во время Великой Отечественной, а старшее поколение и вовсе в полной мере вкусило ужасов Гражданской войны и последующего истребления верных ленинцев. Так что хорошее впечатление на иностранцев зрелые советские граждане произвести могли только с большим трудом. К тому же в большинстве они были уже до предела запуганы властями и усмотрели бы в такой эскападе очередную провокацию партии и правительства. Вот и было принято решение сделать ставку на «молодую поросль», в памяти которой весьма смутно сохранились негативные явления поры становления воинствующего социализма.

Однако чиновники просчитались. И не в том, что советская молодежь произведет благоприятное впечатление на приезжих, эта часть плана как раз удалась более чем. Организаторы фестиваля не учли такого важнейшего фактора, как неокрепшие умы советской моло-

дежи, которые еще не закалились в страхе перед системой и впитывали как губка любые новые веяния, принимая их за чистую монету. Вот что получилось в результате проведения фестиваля. Сказано – дружить и общаться с иностранцами? Извольте, за милую душу, но под общением разрешите понимать то, что обычно понимают все молодые люди во всех странах и на всех континентах во все времена. Не только о политике дискутировать и о необходимости насаждения социалистического строя во всем мире. Можно и об этом, конечно, на досуге. Все-таки идеологически советская молодежь была подкована будьте-наде. Но это, так сказать, рефреном. Красной нитью. А в основном: что носят, под что танцуют (и как танцуют), о чем поют, как проводят свободное от учебы или работы время. А также: любовь-морковь, со всеми последствиями, которые могут вытечь из бутылки (водки, красного вина, коньяка – нужное подчеркнуть). Когда устроители фестиваля с советской стороны поняли, какого дурака свалили с этим мероприятием, то просто схватились за голову. К тому же их самобичевание было поддержано определенными ведомствами, отвечавшими как за внутреннюю, так и за внешнюю безопасность СССР. Невозможность осуществлять одновременный контроль сразу за несколькими тысячами иностранцев сводила эти ведомства с ума.

Зато молодежь, согласно полученной директиве, развлекалась вовсю. А то, что эта директива была воспринята несколько расширенно и в вольной трактовке... Так что тут поделаешь? Ведь на дворе лето, ты живешь в самой лучшей на свете стране, а к тебе в гости приехало столько народа. Как тут удержаться? Так что гуляли на полную катушку. Чтобы потом не возвращаться к этой теме, замечу, что «дружеские связи», завязавшиеся в то памятное лето, породили впоследствии немало трагедий на личной почве. Сколько было разбито сердец, сколько несчастных влюбленных разлучили – это ж не сосчитать! Куда там Шекспиру с его трагедиями. А дети? Первая волна разноцветных детей как раз и появилась в Москве после фестиваля 1957 года. Даже термин такой в столице появился – «дитя фестиваля», но не дразили, нет. Может быть, идеологическое воспитание сдерживало?

«Понаехали тут...»

Однако любовь любовью, но пора вернуться к фарцовщикам. Для того чтобы пояснить, почему именно фестиваль дал старт этому явлению в СССР, нужно для начала перечислить, из каких именно стран приехала в Москву молодежь. Начнем с развивающихся стран. То ли капиталистическими, то ли социалистическими – недавними европейскими колониями, которые только-только делали первые шаги на пути самостоятельного развития и национального самосознания. Это в основном весь Африканский континент плюс Турция и Индия. Представители этих стран только и делали, что удивлялись техническим достижениям цивилизации и для полноценного идеологического общения были не совсем пригодны. Зато их отличала первобытная непосредственность, экзотические нравы и зажигательный темперамент. Эти качества, что там скрывать, больше всего притягивали женский контингент фестиваля. Молодые же граждане СССР и Европы как-то опасались близко приближаться к девушкам со столь непривычной глазу внешностью.

На фестивале был представлен весь соцлагерь – Польша, Чехия, Югославия, ГДР, Румыния, Болгария, ну и так, по мелочи. Между прочим, надо сказать, что молодежь в этих, казалось бы, сугубо социалистических странах значительно отличалась от советской. Польша, например, «вступила на дорогу к коммунизму» всего лишь после Великой Отечественной, и многие приехавшие молодые поляки еще помнили, как они и их родители жили при капитализме. Да и не только в этом дело – молодые представители соцлагерей еще не боялись государственной системы, так как население этих стран еще не успело хлебнуть социализма по полной программе – все еще было впереди. Так что даже молодые социалисты были свободные, раскованные в поведении парни и девушки, одетые хоть и не роскошно, но стильно.

Далее нужно упомянуть представителей стран, в которых коммунизм считался чем-то вроде юношеской формы протеста, своего рода андеграунда, которым молодежь увлекалась лишь для того, чтобы досадить своим уважаемым родителям. Это Франция, Италия, Испания, Португалия, Швеция и Финляндия. Молодежь из этого списка, помимо уже отмеченных раскованности сознания и не стиснутого рамками идеологии поведения, отличалась еще и отменным вкусом по части одежды, но сильно проигрывала по части новейших музыкальных течений и общих тенденций индустрии развлечений.

Зато по всем указанным позициям, безусловно, лидировала молодежь, приехавшая из Соединенных Штатов Америки. Представители этой страны, чудом попавшие на фестиваль, продемонстрировали ошеломленным советским юношам и девушкам не только девятое чудо света – джинсы, но и познакомили их с рок-н-роллом, повлияв этим величайшим изобретением человечества на неокрепшие умы советской молодежи. До хиппи, панков, металлистов было еще далеко, но и без этих колоритных примет западного образа жизни американцы подкупали внутренним убеждением, что их страна – самая передовая страна на свете, и все потому, что тон в ней задают люди молодые и прогрессивные.

Как это ни смешно, но идеологически советская молодежь больше всего соответствовала именно «штатникам». У молодых и не разбирающихся в тонкостях большой политики людей из этих стран нашлось до удивления много общего в сознании. Сказалась и психология жителя огромной страны (и СССР, и США занимали самое большое пространство на земном шаре), и шквальная пропаганда, обрушивающаяся на юные головы и на одном континенте, и на другом. И тем и другим с детства внушали: они родились и выросли в самой могущественной, справедливой и свободной стране равных возможностей. И «штатники» и «совки» – молодые люди этих двух стран – отличались той степенью внутренней беззаботности и беспечности, которая свойственна только молодежи тех стран, которые чувствовали

за своей спиной колоссальную военную мощь, способную защитить при любых обстоятельствах.

Эта похожесть была бы умильной и трогательной, если бы не одно различие, которое и подтолкнуло к последующей любви фарцовщиков именно к американскому образу жизни. При всей внешней и внутренней схожести «штатники» с разгромным счетом опережали «совков» по части внешнего вида и свободе самовыражения. Индивидуальность была у американцев фетишем, а забота о ее приобретении и сохранении возведена в десятую степень. Молодым советским гражданам наглядно объяснили: «быть как все – ужасно, хуже этого ничего не может быть». Мысль эта была для «совков» новой и непривычной. Идеология советского государства как раз строилась на стремлении подровнять, довести всех до «однородной серой массы», выделяться из которой считалось неприличным.

Молодежь же всегда стремится выделиться из толпы – такое поведение свойственно юным личностям чуть ли не биологически. А как же иначе, ведь эта пора развития человека как раз и предназначена для самоопределения и осознания своей роли в обществе. Так что молодые советские люди, которым сказали, что индивидуальность – это самое лучшее, что они могут получить от этой жизни, тут же в этот постулат безоговорочно поверили. И понесли идею в массы, уже советские.

Все, что вы прочитали выше, улеглось впоследствии в идеологический фундамент явления «фарцовка». Именно на идее индивидуальности, возможности возвыситься над однородной массой соотечественников и выросло не одно поколение фарцовщиков в СССР. Но оставим пока в стороне идеологию, к тому же не идеологией единой существовал даже такой диссидентствующий тип, как фарцовщик образца 60-х годов. Самое время поинтересоваться: каким же образом после проведения Всемирного фестиваля молодежи на руках у его советских участников остались фирменные шмотки? А произошло все довольно банальным образом. Вне зависимости от того, из какой страны приехала в Москву молодежь – капиталистической, социалистической или развивающейся, все равно приехали в основном студенты. А что есть студент и чем он отличается от посетившего столицу СССР зажиточного любопытствующего туриста? Студент 60-х годов XX века в любой стране представлял собой существо беззаботное, не думающее о материальных ценностях, да к тому же не терпящее путешествовать с большим багажом. Поклажа только обременяла эту подвижную душу. Вот в этом-то легкомысленном отношении к собственности, в частности к сохранности своего скудного багажа, как раз и состояло отличие иностранных «фестивальцев» от стандартного туриста. Поэтому ничего нет удивительного, что в особо патетические моменты, когда общение с принимающей стороной доходило чуть ли не до братания, самым естественным порывом для зарубежных гостей был щедрый жест – буквально снять с себя рубашку или галстук и обменяться с «побратимом», но бывало и такое, что в стремлении сделать новообращенному другу приятное из чемоданов доставались даже новые вещи – чтобы отдать их замечательному человеку, с которым так приятно проводить время. Тем более, что при виде фирменной шмотки (стоящей ТАМ, понятное дело, не очень дорого) у советских молодых людей только что слюни на стандартные хлопковые «тенниски» не падали. В эти моменты высоких чувств о такой мелочи, как совпадение размеров, никто и не задумывался.

В результате получилось, что по окончании фестиваля у молодых советских людей осталось не только осознание необходимости выделиться из толпы, но и возможность сделать это за счет модных, стильных и по-настоящему нестандартно выглядящих вещей. Тут-то и обнаружилось несовпадение размеров. Куда как обидно, если потрясающей красоты ковбойская шляпа не налезает тебе на голову или сваливается до ушей. Какой уж тут стиль! В такой вещи если и удастся выделиться в толпе, то только за счет ехидных смешков окружающих. Крепя сердце, вещи пришлось продавать по знакомым. Почему продавать? Ну, во-первых, глупо отдавать предмет вождления задаром, во-вторых, «тлетворное влияние

Запада», выразившееся в общении с молодежью из капстран, дало себя знать, а в-третьих, за проданную вещь можно было получить деньги, которые, в свою очередь, можно было истратить на другую, тоже импортную, но подходящую по размеру. Продавать импортные вещи неожиданно оказалось очень выгодно – люди платили неплохие деньги за возможность приобщиться к мировой моде. И не только женщины, между прочим.

Советские «бродвей»

Ко всему прочему давало о себе знать и идеологическое наследие фестиваля. Сначала в Москве, а потом и в других крупных городах Союза появились специальные места, которые были предназначены как раз для того, чтобы нестандартно мыслящая (и одевающаяся) молодежь могла и себя показать, и на других посмотреть. Почти в каждом городе с этого самого момента был выбран и определен на период всего существования СССР свой собственный «бродвей» – проспект или широкая улица, по которой с утра до вечера фланировала разряженная молодежь, решая любые дела, которые не были связаны с учебой или работой. В Москве это была улица Горького, в Ленинграде – небольшой участок Невского проспекта от улицы Восстания до улицы Марата, причем «бродвеем» считалась только одна сторона проспекта – нечетная.

Состав фланирующих по «бродвеем» (во всех городах) молодых людей был разношерстным. В основном было представлено студенчество, «золотая молодежь» – будущие мажоры, но можно было встретить и тех, кто днем вкалывал на заводе, – эта категория, впрочем, была самой малочисленной. От обычных пешеходов фланеров отличали две особенности. *Первая*: прогуливающиеся по «бродвею», а не по советской улице, молодые люди двигались совершенно бесцельно, буквально туда-сюда. Если же появлялась потребность пообщаться, разговаривающие обычно «выпадали» из общего потока и подпирали стены зданий или заходили в небольшие кафешки. *Вторая особенность*: молодые люди были одеты очень модно. Вернее, тут сгодятся любые эпитеты: остромодно, сверхмодно, стильно до невозможности. Причем «тряпки», в которые была облачена молодежь, не имели ни малейшего отношения к убожеству, которое пытались выдать за моду советские производители. Вся одежда была полностью «срисована» с западных образцов. Широкие плечи пиджаков, узкие брюки и т. д., чуть позже я отдельным порядком расскажу о том, во что были одеты «стиляги» того времени.

В прокладывании этих стилижных «бродвеев» принимали самое непосредственное участие первые фарцовщики СССР. Когда некоторые юноши продали доставшиеся им после фестиваля шмотки, они по достоинству оценили открывающиеся перспективы: можно не только выделяться из толпы, всего лишь облачившись в импортные вещи, но еще и получать от их продажи очень и очень неплохую прибыль. Каковую можно использовать для ведения приятной и комфортной жизни. Последнее преимущество особенно оценили студенты и представители профессий, имеющих отношение к искусству, а потому оплачиваемых скудно и нерегулярно. К тому же именно «богема» быстрее всех подхватила «идеологию» индивидуальности.

Но Фестиваль всего лишь дал общее направление движения и подарил сам принцип сочетания приятного с полезным, фестивальные же шмотки очень быстро кончились, и сразу стало понятно, что вместо того, чтобы отказываться от такой замечательной идеи, нужно сгенерировать новую – где брать ЕЩЕ шмотки. И так случилось, что никто не захотел изобретать велосипед. Ведь один раз получилось разжиться вещичками в процессе неформального общения с иностранцами, и никакие серьезные дяди за это голову не открутили, так за чем же дело стало? Нужно всего-то лишь исхитриться и подобраться к иностранцам, которые по-прежнему регулярно прибывают в СССР. О том, где эти вещички впоследствии «сливать», даже и вопроса не возникало – точно так же, по уже отработанной схеме: знакомые и «бродвей», на которых по определению могли «нарисоваться» только «свои». Остальных мгновенно можно вычислить.

Вот так все и началось – с дружбы народов. С бескорыстного общения молодежи разных стран. Чем закончилось? Безусловно, я расскажу и об этом тоже. Но... Нет повести

печальнее на свете, чем повесть о фарцовщиках и «совковом» менталитете. Те люди, которые сменили в начале 70-х беззаботных и идеологически подкованных «стиляг», отличались от начала процесса и его основателей, как небо и земля. Стиляг сменили стяжатели, а фарцовка из довольно безобидного «увлечения на досуге» превратилась в подпольный бизнес, да к тому же с неаппетитным душком. О грустном позже, а пока давайте я лучше расскажу вам, как первые фарцовщики решали возникшую проблему – установление новых контактов с иностранными гражданами и подбор скудного ассортимента товара, который мог бы заинтересовать «фирмачей». С валютой большинству фарцовщиков-шестидесятников связываться не хотелось.

Что на что меняли

Москва – столица нашей Родины, но у нее существовал один весомый недостаток с точки зрения фарцовщиков: в столице нет морских портов, которые могли бы обеспечить бесперебойный поток иностранных граждан, и при этом (что важно!) не «крутых шишек», а обыкновенных, доступных для общения людей. Но ничего – выкрутились. Для начала придумали, как обойтись без валюты, дело с которой никто из начинающих фарцовщиков иметь категорически не хотел – боялись. И правильно делали, что боялись. Потому что как только правоохранительные органы, и в частности наша доблестная милиция, поняли, что вытворяют некоторые несознательные советские молодые люди, так тут же решили припугнуть их от души, чтобы пресечь хотя бы валютные операции, которые карались в СССР наиболее строго. А как можно было припугнуть с точки зрения закона? Только проведя несколько «громких и показательных» процессов, чтобы отбить у потенциальных валютчиков всякую охоту якшаться с денежными знаками других стран.

Одним из самых известных процессов начала 60-х годов стал суд над тремя крупными московскими валютчиками: Яном Рокотовым, Владиславом Файбышенко и Дмитрием Яковлевым. Громкий процесс закончился присуждением высшей меры наказания – расстрела каждому из них. Споры нет, они действительно ворочали серьезными делами на валютном рынке, но «спохватились» органы правопорядка только после того, как в 1959 году правительство СССР резко ужесточило наказание за незаконные операции с валютой, и по этой статье было принято решение увеличить срок по максимуму. Собственно, поначалу суд вынес по делу трех валютчиков совсем другой приговор – им дали по 15 лет «строгого режима», но по настоянию Н. С. Хрущева, лично контролировавшего ход судебного процесса, приговор был пересмотрен и подсудимые были приговорены к расстрелу. К этому процессу трудно подобрать другие эпитеты, кроме как «показательный» и «устрашающий». Власти намеренно подробно освещали ход судебных процедур в прессе, дабы советские люди без тени сомнения убедились в том, что любые незаконные операции с валютой будут караться немедленно и безжалостно.

Рейтинг популярности

Показательные процессы помогли. Иметь дело с валютой во время фарцовки в 60-е годы отваживались немногие. Но приходилось изворачиваться. В качестве товара на обмен шли (в порядке популярности):

1. Бутылки с хорошей русской водкой – тогда такой считалась (да и была) «Столичная». В середине 60-х появилась такая же водка, но с винтовыми крышками, – это был и вовсе экспортный вариант.

2. Армянский коньяк двух сортов – «Арарат» и «Двин». Коньяки были настолько качественными, что позволить себе такой алкоголь за границей могли только по-настоящему богатые люди, в СССР же он стоил сущие копейки.

3. «Монеты с Лениным». На самом деле под этим определением понимались любые юбилейные монеты, которые имели в СССР хождение наряду с обычными деньгами и котировались по номиналу, а зарубежные коллекционеры давали за них вполне приличные деньги.

4. «Командирские» часы. Внушительный на вид часовой механизм, отличавшийся практически швейцарским качеством исполнения и славившийся не только своим бесперебойным и точным ходом, но и тем, что, по легенде (созданной самими же фарцовщиками), выдавался только в виде наградного поощрения в Советской Армии. На самом деле эти часы хоть и стоили не «три копейки», но продавались в любом военторге.

5. «Русские сувениры». Под этим собирательным названием шли сувениры известных во всем мире русских производителей: Палех, Жестов, Хохлома. Произведенные вручную настоящими потомственными мастерами, такие сувениры особенно ценились за границей, считаясь предметом роскоши. Тут тоже была одна тонкость. Изделия перечисленных марок активно отправлялись Советским Союзом на экспорт и стоили за границей очень дорого, тогда как в советских магазинах их можно было купить в десять раз дешевле.

6. Икра замыкает список. И не потому, что как продукт обмена она не интересовала иностранцев. Интересовала, и еще как! Вот только достать ее в те времена было простому советскому человеку очень сложно. А фарцовщики все же не были поголовно детками «советских бонз». Так что если удавалось достать икру, любую сделку (обмен) можно было считать удавшейся. Иностранцы при виде заветных икринок теряли всякое соображение. Еще бы его не потерять, если на одной баночке, приобретенной в СССР, можно было «сделать» дома около ста долларов. В 60-х годах даже в Америке это были большие деньги, что уж говорить про Европу.

Вооруженные этими привлекательными предметами, фарцовщики могли «подкатываться» к иностранцам, будучи почти уверенными, что «дело может выгореть». Где же обретались в те времена вожделенные зарубежные гости и каким образом простой советский паренек или девушка могли с ними пообщаться, да еще в неформальной обстановке? И опять же, в первую очередь фарцовщики воспользовались успешным опытом Фестиваля. Иностранные студенты уже один раз отлично себя зарекомендовали как поставщики, так за чем же дело стало? Вот и подались фарцовщики в общежития, в которых проживали студенты из

других стран, приехавшие на учебу в СССР. До 20.00 в общежития вход был теоретически свободным, а в тех случаях, когда на практике вход преграждал комендант, вопрос можно было утрясти или за «деревянные», причем за очень небольшую сумму, или за «жидкую валюту» – ту же водку, только похуже качеством, чем предлагалась иностранцам. Вариант с «общагами» был для фарцовщиков практически беспроблемным. Бедные иностранные студенты, которым вечно не хватало денег, выдававшихся им в виде стипендии родителями или государством, которое их послало учиться, с удовольствием включались в любые торгово-обменные операции, если эти операции могли принести дополнительные барыши.

Дельцы-студенты

Лучшими партнерами по делу фарцовки считались студенты из развивающихся стран. Во время Фестиваля страну посетили молодые люди из бывших колоний, но приехавшие были настолько подавлены огромным количеством свалившихся на них впечатлений, что на что-то еще их просто не хватало. Тогда как в общагах обретались уже пообтеревшиеся в сутолоке большого города студенты из Индии или стран Африки, способные с азартом ухватиться за выгодное деловое предложение. Им, как это ни странно на первый взгляд, было что предложить фарцовщикам. В 60-х годах крупные страны (особенно Америка, Англия и СССР) вели настоящую войну за установление в развивающихся государствах «нужного» режима. Капиталисты изо всех сил старались заполучить в свой стан очередную страну с «демократическим строем», а коммунисты из кожи вон лезли, но старались способствовать возникновению еще одного полигона для проведения опытов по насаждению социализма. При этом в ход шли любые дипломатические – и не очень – приемы, с помощью которых могущественные «Большие Братья» пытались завоевать расположение правителей развивающихся стран. Дипломатические битвы за такие страны порой разыгрывались нешуточные. Недаром самый известный в истории ядерного оружия конфликт разразился именно за установление «нужного политического режима» на Кубе – «Карибский кризис».

В целом ситуация выглядела приблизительно так: с одной стороны, представителям «стран третьего мира» социалистические страны с удовольствием предоставляли небольшие партии стратегического сырья, медикаменты и врачей, бесплатное образование для молодых граждан. А с другой стороны, капиталисты забрасывали население дешевыми суррогатными продуктами, бытовой техникой и строили на территории этих стран заводы по производству различной пустячной дряни, обеспечивая население рабочими местами. Такой вот эквивалент блестящих бус для дикарей в обмен на золото или слоновую кость.

Например, приехавший учиться в Союз студент из, допустим, Зимбабве, у себя на родине мог запросто зайти в большом городе в магазин и приобрести там любые импортные шмотки. Были бы деньги. С которыми, что понятно, были как раз проблемы. Страна-то все же развивающаяся, и позволить себе сносный уровень жизни могли приблизительно 3 % населения. Вот такой студент и хватался за подвернувшуюся возможность улучшить свое материальное положение с помощью фарцовщиков, которые очень быстро додумались что к чему. Подобный альянс (фарцовщиков и иностранных студентов) был особенно хорош системой расчетов. За присланные с родины шмотки, часто заранее заказанные фарцовщиками, со студентами расплачивались «деревянными», которые им, в отличие от туристов, были нужны как неплохая прибавка к стипендии.

Между прочим о стипендии. Она у иностранных студентов была просто фантастическая. Конечно, точная цифра зависела от конкретного вуза, но в среднем в месяц иностранец получал около 70 рублей. Для сравнения: советский студент получал стипендию около 25 рублей, а «ленинские стипендиаты» – особо отличившиеся в процессе учебы – получали 35–40 рублей. И еще для сравнения: зарплата рядового преподавателя вуза в то время составляла приблизительно 120 рублей. Но надо отдать должное: студенты, приехавшие из «стран третьего мира», учились как проклятые, понимая, что знания, полученные в Союзе, – их единственный шанс выбиться на родине из глухой нищеты. Высшее образование «автоматом» обеспечивало их нормально оплачиваемой работой, и не абы где, а в столице собственного государства. «Советские дипломы» очень высоко ценились тогда по всему миру. Поэтому только соображение, что за фарцовку можно вылететь из института, удерживало ВСЕХ студентов от перманентного процесса зарабатывания денег. А соблазн был велик, ибо денег, полученных несправедливым путем за пять-шесть лет учебы, можно было накопить немало,

и особо рачительный молодой человек мог привезти на родину даже некоторый стартовый капитал для открытия собственного дела. Но и перспективы честно отучиться, не отвлекаясь на получение побочных доходов, тоже были чертовски заманчивы. Недаром если сейчас сделать произвольную выборку и поинтересоваться составом кабинетов министров и даже президентов республик стран третьего мира, что называется, «через один» можно наткнуться на выпускников советских вузов. Так что бедные студенты хоть и имели все возможности предоставить фарцовщикам бесперебойный канал поставок, но не очень-то стремились к этому. Из двадцати студентов только один или два решались на постоянное сотрудничество.

Такая позиция большинства иностранных студентов объясняет, почему фарцовщики больше всего любили «бомбить» богатых студентов. Были такие, и было их немало. Вот наладив контакты с ними, можно было «наварить» действительно серьезные суммы и поставить дело на широкую ногу.

Богатые студенты и комедия абсурда

Богатые студенты в СССР – это, я вам доложу, такая тема, что можно отдельную книгу написать. Истории бывали просто фантастические. Но я постараюсь держать себя в руках и поделюсь с вами только той информацией, которая имеет непосредственное отношение к фарцовке. Богатые иностранные студенты попадали в Союз практически из тех же стран, что и бедные (за редкими исключениями), вот только повод для их обучения в Союзе был скорее политического, чем практического свойства. Однако лучше по порядку.

Богатые студенты были в основном детьми политических деятелей, членов правительств или даже президентов стран «третьего мира». Если такой стране в тот или иной период было выгодно «дружить» с СССР, в правительственных кругах считалось хорошим тоном отправлять своих отпрысков на обучение в Союз, в качестве проявления «вотума доверия». Вот, мол, не боюсь отправить к вам самое дорогое, что у меня есть, – благородного отпрыска. Но у подобных поступков (отправки в Союз на учебу сыновей и дочерей) была еще и обратная сторона – соображения более тонкого политического толка. У министра любой развивающейся страны, особенно если эта страна была «нефтяная», денег было столько, что он мог купить своему чадушке собственный институт, и уж тем более их хватило бы для обучения деточки в Сорбонне, Йелле или любом другом престижном институте мира. А министр отправляет своего отпрыска бесплатно учиться в Советский Союз. Понятно, что не из соображений экономии, а только для наглядной демонстрации – на какой именно политический строй правительство держит равнение в данный момент.

Таким студентам процесс обучения в советском вузе был нужен так же, как корове пятая нога, седло и зонтик. Они даже не пытались делать вид, что учатся, вместо этого предпочитая приятно проводить время. В процесс приятного времяпрепровождения входило несколько пунктов.

1. Распитие спиртных напитков, по большей части категорически запрещаемое в родной стране не только сановитыми родителями, но и религией и светским протоколом.

2. Общение со сверстниками без церемоний – то есть шумные вечеринки, танцы и «богемные сборища», на которых царили вольные нравы. С точки зрения молодых людей, всю жизнь живущих по строго регламентированным требованиям этикета, подобная вольность была из разряда «вам и не снилось».

3. Общение с русскими девушками. Предупреждаю сразу: то, о чем я собираюсь поведать дальше, никакого отношения к расизму не имеет. Реальное положение дел было для чернокожих и арабских студентов в то время таково, что иметь в своем «послужном списке» белую женщину считалось особенным шиком и даже в некоторой степени роскошью. У себя на родине, несмотря на все имеющееся в распоряжении богатство, шансов закрутить роман с белой женщиной молодой человек (да и не очень молодой) практически не имел. А, видимо, хотелось. Как обычно хочется всего малодоступного человеку с неограниченными средствами.

Помимо получаемой на общих основаниях стипендии такие студенты ежемесячно получали от сотрудников посольств своей страны не только денежные переводы, но еще и коробки с «передачами» от любящих предков. Пособия были фантастические, – это все, что я могу сказать, ибо не могу здесь привести какие-то конкретные цифры: в каждом случае это были разные суммы. Я обещал удержаться и не рассказывать на страницах этой книги

выдающиеся до неправдоподобия истории про иностранных студентов, но не смог. Не смог, потому что каждая из них читается как «комедия абсурда», и будет очень жаль, если они так и канут в Лету.

История первая. Здравствуйтесь – царь

Рассказал мне эту историю человек, который как раз в 60-е годы занимался фарцовкой. Прозвучала она, когда я спросил его, каким именно образом ему удавалось «вычислять» богатых иностранных студентов и находить к ним подходы. Выяснилось, что в этом деле (как можно предположить) каждый был сам за себя, но лично у него была знакомая секретарь декана в Технологическом институте Ленинграда – очень милая девушка, по его словам. Романа у них не было, они просто «тусовались» в одной компании. Секретарь декана имел доступ к анкетам абитуриентов и студентов, которые заполнялись в обязательном порядке и где указывались сведения не только о самом студенте, но и о его родителях, социальном происхождении и тому подобная нужная и полезная информация. Самое главное в этом деле было опередить конкурентов и завести знакомство до того, как это сделают другие. Поэтому в особенной цене были сведения по первокурсникам, а в идеале – по только что поступившим в институт.

В один прекрасный день рассказчик, тогда еще молодой человек, студент все той же Техноложки, сидел в секретарском кабинете, ожидая свою знакомую. Она влетела в кабинет минут через пять, буквально давась от хохота. На вопрос, что ее так развеселило, она молча протянула лист бумаги, который до этого держала в руках. Говорить она все еще не могла. Лист бумаги оказался анкетой одного иностранного студента, прибывшего из довольно большой африканской республики Конго. В графу «родители» студентом была занесена следующая информация. Напротив пункта «Мать» стояло прозаическое – домохозяйка, а вот напротив пункта «Отец» было скромно записано – царь.

Прочитав анкету, молодой человек захихикал, но умеренно, поскольку он не первый год имел дело с богатыми иностранными студентами, а посему был готов поверить уже чему угодно. Формулировка, бесспорно, выглядела комично, но что именно вызвало такой приступ хохота у секретаря, он сразу врубиться не мог. Когда же секретарь отсмеялась и снова обрела способность говорить, то поведала наконец причину своего веселья.

«Ну ты и серость! Конго – это республика, в ней царя по определению быть не может. У них там президент. Он, конечно, по факту царь и даже, возможно, бог для своего народа, но де юре – это демократическая республика. Я-то сразу просекла нестыковку и решила поинтересоваться, что именно имел в виду студент, когда заносил в графу „Отец» такой титул. И главное, парень приличный, вряд ли он хотел таким образом поднять свой авторитет в коллективе. Вот и пошла уточнять, в чем дело. Выясняется: студент по-русски не так чтобы хорошо понимает и еще меньше может сказать или написать. А папа у него... вождь племени. У них там этих племен еще много осталось. Так что бедолага себе всю голову сломал, пытаясь в анкете адекватный перевод соорудить. Понятно, что такие тонкости, как словосочетание „вождь племени», ему пока не осилить. Обратился за

советом к старшекурснику, а тот то ли подшутить решил, то ли сам до шестого курса с русским языком до конца не разобрался, вот и посоветовал в анкету царя вписать».

Рассказчик утверждал, что сначала тоже хохотал, но не потому, что представил себе папу студента, а уже над формулировкой в графе «мать – домохозяйка», говорил, что на всю жизнь запомнил картину, которая у него моментально в голове нарисовалась: мамахен студента с огромным половником над котлом, из которого торчат чьи-то ноги.

Однако чтобы повеселиться часик, сначала нужно долго поработать, поэтому студент-фарцовщик тут же поинтересовался у секретаря: как у наследника вождя африканского племени с финансами, будет ли папуля присылать сыночку пуговицы из слоновой кости на бедность? Оказалось – нет, не клиент. Студент оказался чуть ли не беднее вьетнамцев, о нищете которых по студенческому общежитию ходили легенды. Даром что сын царя.

История вторая. «Да у тебя же мама педагог...»

История произошла в 1967 году в Ленинграде. В педагогическое училище № 1 им. Некрасова «поступила» новая студентка. Звали ее Сарала Базрачары, и, в отличие от первого персонажа, у нее-то как раз с происхождением на самом деле все было в порядке. Ее отец был министром в Непале, человеком не просто богатым, а **ОЧЕНЬ** богатым. Непал – страна хоть и не большая, но исторически зажиточная, если можно так выразиться, тоже из бывших колоний. В то время, о котором идет речь, в Непал каким-то образом проник «призрак коммунизма», хотя как его туда могло занести – одному богу известно. В результате видения этого «призрака» в правительственных кругах стали потихоньку поговаривать о государственном перевороте, но именно потихоньку. При этом каждому понятно, что коммунизм в данном случае рассматривался исключительно как повод для очередного свержения кабинета министров, потому что вообще-то в Непале с незапамятных времен установился монархический строй, что устраивало как население, так и правящую верхушку. Какой при таком раскладе коммунизм? Курам на смех.

Но тем не менее, возможно для того, чтобы придать «эпизоду призрачной угрозы» больше материального веса и тем самым добиться в кабинете министров нужных кадровых перестановок ненасильственным методом (взять на испуг), в коммунизм ударились оба отпрыска министра: и сын и дочь. Дальше все было как в плохих советских фильмах. Сынишку официальные власти стали преследовать вплоть до тюрьмы, а дочурка отбыла во временную эмиграцию – в Союз. Стоит ли говорить, как обрадовались власти СССР – еще бы, «заполучить» Непал! Дочурка по возрасту как раз подходила для студенчества, так что ее быстренько «закатали» в учебное заведение. Но вы можете себе представить, до какой степени эта девушка была не приспособлена к процессу обучения, что ее даже не попытались «пристроить» в вуз, а со старта ограничились педучилищем?

Но пристроили все-таки, да и профессия для женщины подходящая – учитель. А вот дальше со студенткой начали происходить прямо-таки

фантазмагоричные вещи. Если в начале процесса обучения в Ленинграде стоял теплый сентябрь и Сарала ограничивалась ношением национальной одежды – сари, то с приходом первых осенних холодов стало ясно, что теплой одежды у студентки из Непала просто нет. Сердобольные соученицы по училищу принесли кто что мог из своих и так небогатых гардеробов. В результате мисс Базрачары проходила всю осень и зиму, пардон, в чужих обносках. Советские девушки, учившиеся с ней в одной группе, искренне жалели бедняжку и не видели в происходящем ничего странного. Им, воспитанным на советской литературе и кино, казалось, что именно так и должна проходить жизнь коммунистки в изгнании. Пока не выяснились некоторые весьма странные обстоятельства. Во-первых: в носу Сарала постоянно носила камушки, как и полагается порядочной девушке ее национальности. Меняла она их довольно часто, соученицы насчитали как минимум полтора десятка. По наивности, будущие учительницы считали, что это стеклышки, пока мисс Базрачары, несколько подвыпив на свадьбе одной из студенток, не призналась: камушки самые что ни на есть настоящие бриллианты. Причем все полтора десятка. Приглядевшись повнимательнее, девушки убедились в истинности утверждения. Во-вторых: когда во время каникул Сарала решила съездить повидаться с отцом (разумеется, на нейтральной территории – в Индии, где жили их родственники), отец прислал за любимой дочерью... собственный самолет. Как-то все это мало вязалось с образом преследуемой изгнанницы. Ну и, в-третьих, спустя полгода совместного обучения сокурсницы стали замечать у студентки из Непала наличие больших денежных сумм, скрывать которые Сарала не очень-то и старалась. Курила она исключительно импортные дорогие сигареты, постоянно ходила обедать в рестораны и передвигалась по городу исключительно на такси. К тому же очевидцы утверждали, что неоднократно видели у нее долларовые купюры. И при этом Сарала Базрачары упорно продолжала ходить в собранных для нее старых и часто неподходящих по размеру вещах.

Что это было? Из каких соображений девушка так странно себя вела? Где ежедневно доставала хотя бы эти самые импортные сигареты, которых большинство советских людей и в глаза-то не видели? Сразу скажу – в фарцовке студентка из Непала замечена не была, но то, что ее пребывание в Советском Союзе было окружено плотным покровом тайны, – однозначно. Даже сам факт ее пребывания в СССР вызывает недоумение. Уж если ей так необходимо было где-то отсидеться, то почему не в нейтральной Европе?

Пробыла она в СССР недолго. Очевидно, желаемых кадровых перестановок в правительстве удалось достичь очень быстро, поэтому, проучившись в Союзе всего два года, Сарала Базрачары благополучно отбыла на родину. Там несостоявшаяся учительница начальных классов моментально вышла замуж за принца, родила наследника и впоследствии стала королевой-матерью, а ее семья приобрела необычайное влияние в стране. Такая вот история – просто «Тайны дворцовых переворотов»! А с Непалом СССР «дружил», и даже очень. Официально было признано, что это «хорошая» страна, несмотря на монархию. А может быть, благодаря ей?

Мне лично, когда я впервые услышал эти истории, они очень понравились. Есть в них что-то такое... за границами нормы, а такие шутки я всегда любил. Но, как и обещал, возвращаюсь к основной теме книги. Речь идет о фарцовщиках и их взаимоотношениях с иностран-

ными студентами. С бедными студентами мы разобрались, а теперь до конца осмыслим: зачем же в противоправные отношения с фарцой было вступать «богатеньким Буратино», и так имевшим в своем распоряжении достаточные финансовые средства. А затем, чтобы потратить эти самые средства с чувством, с толком, с расстановкой и исключительно на свои удовольствия. Представьте себе, приезжает такой избалованный донельзя отпрыск в Союз и что он видит? Видит чужую страну с непривычными нравами и обычаями, незнакомых людей, из своих – только сотрудники посольства, но те способны лишь на раблепные приседания и постоянный контроль за моралью и нравственностью вверенных наследников. Вот и куда, скажите, молодому человеку в такой ситуации податься? К соотечественникам? Но их можно пересчитать по пальцам. Да и соотечественников-то как раз меньше всего рядом с собой и хочется видеть, чтобы они тоже ничего лишнего не увидели, а то не ровен час «стукнут» об аморалке кому не следует, когда вернутся на родину. К сознательным советским студентам? Но это полное занудство. Зубрежка с утра до вечера, а в свободное от учебы время пошлые танцы в районном Доме культуры или того хуже: лазание по горам с гитарой. С точки зрения состоятельных студентов, такие развлечения не годились даже для прислуги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.